

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСНА -ГО 45

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

Валерий Георгиевич Шарапов

Тревожная весна 45-го

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42935946

Тревожная весна 45-го / Валерий Шарапов: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-101061-4

Аннотация

1945 год. После демобилизации в Москву возвращается бывший командир разведроты майор Александр Васильков. Здесь он встречает своего заместителя капитана Старцева. Комиссованный после ранения, тот уже два года работает старшим следователем в МУРе. Старцев зовет командира на службу в Уголовный розыск. Людей не хватает, а криминальная обстановка в столице – сродни фронтовой. На днях, например, по программе репарации из Германии в СССР прибывает «Клад Приама» – девять тысяч предметов, найденных Генрихом Шлиманом при раскопках Трои. Преступники наверняка попытаются пожить...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	12
Глава вторая	25
Глава третья	31
Глава четвертая	39
Глава пятая	45
Глава шестая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Валерий Шарапов Тревожная весна 45-го

Пролог

*Центральный фронт; Курская стратегическая оборонительная операция; восточный пригород Рыльска
7 июля 1943 года*

— Куда же она запропастилась? Точно ведь шли по маршруту. — Иван Старцев всматривался в непроглядную июльскую ночь. — По моим расчетам, мы должны были выйти на нее пятнадцать минут назад.

— По моим тоже. Надо глянуть на карту. Ну-ка организуй «блиндажик», — прошептал Александр Васильков и, присев на корточки, нагнулся.

Заместитель взмахнул полой плащ-палатки и, нырнув под нее, оказался вместе с командиром над освещенной фонариком картой...

Шестеро разведчиков во главе с капитаном Васильковым двигались по занятой противником территории к линии фронта. Короткое задание, длившееся чуть более суток, было крайне важным для удержания самого западного рубежа обороны в районе города Рыльск. Задание группа Василькова выполнила, не понеся потерь, и теперь спешила возвратиться с донесением в штаб дивизии. Все в этой вылазке складывалось удачно. Все, кроме одной детали: разведчики никак не могли выйти на последний контрольный ориентир — одиноко стоящую высокую березу.

— Ничего не понимаю, — елозил командир пальцем по карте, — мы же прошли берегом речки и повернули вправо у камышовых зарослей.

Старцев подтвердил:

— Ну да — просочились аккурат меж Рыльском и Слободкой, нашли заросли.

– А где же тогда береза?

– Может, не те камыши или рано свернули?

Васильков вздохнул.

– Ладно... чего теперь гадать? Надо вернуться к руслу.

– Согласен. Иначе рискуем напороться на позиции немцев.

– Или навсегда остаться на минном поле, – Командир погасил фонарик, откинул плащ-палатку и резко поднялся.

Негромко объяснив подчиненным задачу, он первым направился обратно к овражку...

* * *

Незаметный проход через минное поле разведчики капитана Василькова проделали до начала операции. Несколько ночей подряд, по двое, по трое они осторожно перелезали через бруствер первой линии окопов, ползком преодолевали триста метров нейтральной полосы и, оказавшись у цели, начинали искать установленные фрицами противопехотные «сюрпризы». Найденные мины бойцы обезвреживали, обозначая на специальном плане местонахождение каждой из них. Отображался на плане и свободный коридор с малоприметными метками на местности. К этому спасительному коридору Васильков и вел свою группу.

– Курочкин, Сидоренко! – позвал он, когда разведчики вернулись к неширокой речушке и отыскиали на мелководе

камышовые заросли. – Подымитесь и гляньте по сторонам.

Два разведчика бесшумно скользнули вверх и исчезли там, где темный грунт сливался с черневшим небом.

– Мы на месте. Уверен на сто процентов. – Старцев перехватил поудобнее автомат.

– Да я и сам понимаю, – кивнул на камыши Васильков. – Рано мы тогда свернули.

– Согласен. Совсем немного не дошли...

Послышался шорох и звук осыпающегося грунта. Сверху скатился Курочкин.

– Чисто, командир. Ни души, – доложил он.

– А где Сидоренко?

– Наверху остался – присматривает за нейтральной полосой.

– Пошли.

Бойцы выбрались по скользкому глинистому грунту наверх и поползли на восток...

* * *

Город Рыльск был полностью занят немецкими войсками. Позиции наших соединений располагались в двух километрах – через реку Сейм. Однако севернее города река крутой петлей уходила на восток, и линия соприкосновения войск проходила по обширной равнине, местами разбавленной перелесками.

Летом 1943 года германское командование намеревалось провести в этих краях крупную стратегическую операцию. Два молниеносных удара – один с севера от города Орел, другой с юга от Белгорода – должны были сойтись у Курска. Начиная с мая месяца гитлеровцы активно готовились к наступлению. Тем не менее, по какой-то необъяснимой причине в районе Слободки плотность гитлеровских войск оставалась небольшой. Дабы оградить себя от риска прорыва советских частей, немцы заминировали несколько гектаров степного безлесного участка и установили метрах в пятистах от переднего края десятков прожекторов. Работая несколько ночей подряд, разведчики Василькова сумели проделать в этом минном поле незаметный узкий коридор. В этот коридор они и хотели попасть, возвращаясь из рейда.

– Вошли точно, командир, – обернувшись, прошептал Курочкин.

– Понял. Давай, аккуратнее там, – ответил тот. – И не торопись – время еще есть.

– Добре. Постараюсь...

Времени до рассвета и впрямь оставалось с запасом, хоть и помыкались лишние полчаса по правую руку от мелководной речки. Теперь душа пела: двигались в правильном направлении. Со второй попытки разведчики покинули русло в нужном месте и вышли на главный ориентир – одинокую высокую березу. От нее чуток подвернули к югу и спустя несколько минут оказались у входа в коридор.

Курочкин медленно полз к первой линии советских окопов, на ощупь определял воткнутые в грунт короткие веточки ивы. Он сам размещал эти метки по границам прохода, когда разведчики обезвреживали мины; ему же Васильков доверил и отыскивать их в крошечной тьме.

За Курочкиным следовал командир, далее – все остальные. Замыкал, как всегда, Иван Старцев. Эта работа, требующая особого внимания и хорошего слуха, приходилась ему в самую пору. Прополз пять-шесть метров, остановился, оглянулся, прислушался... И так до наших позиций, куда предпоследний не нырнет в объятия встречающих товарищей.

Рядом с группой бесшумно скользнул луч прожектора. Вжавшись в землю, разведчики замерли...

* * *

В освещении минных заграждений немчура нарочно отступила от правил и не придерживалась порядка или графика. Порой по изрытой воронками поверхности лениво шарил парочка прожекторов, после чего надолго повисала пауза, и огромное поле тонуло во мраке. Затем вдруг разом вспыхивали десятки источников света, и пространство между советскими и немецкими позициями озарялось ярчайшим светом. В такие минуты советским бойцам казалось, что на нейтральной полосе не скроется и полевая мышь.

Но не это было головной болью Василькова. Изредка помимо прожекторов просыпались «мясорубки», или «пилы Гитлера», как наши солдаты называли немецкие единые пулеметы MG-42. Лучи скользили по полю под острым углом, заметить на нем распластавшихся и накрывшихся плащ-палатками можно было не всегда. И тогда пулеметчики лупили наудачу. Однажды, когда бойцы Василькова прокладывали проход в минном поле, удача едва не улыбнулась одному из немецких стрелков – плотная очередь легла между Курочкиным и Старцевым.

Сегодняшней ночью одновременно загоралось два-три прожектора. Пулеметы, пока разведчики преодолели половину дистанции, оживали дважды, но оба раза пули свистели вдалеке.

И вот, когда до нейтральной полосы оставалось не более сотни метров, длинная пулеметная очередь впилась в землю рядом с бойцами.

Один из них вскрикнул.

* * *

– Сидоренко! – узнал по голосу командир. – Зацепило?

Внятного ответа не последовало. Лишь по интенсивной возне и приглушенному мычанию Васильков догадался, что товарищ ранен.

Ближе всех к Сидоренко оказался Старцев.

– Петро, куда тебя? – подполз он к бойцу. – Слышь, Петро...

Пуля попала в брюшную полость – давясь стоном и держась за правое подреберье, Сидоренко катался по земле.

Это было отвратительное ранение: опасное для жизни и очень болезненное. К тому же сопровождающееся большой кровопотерей. Требовалось быстрее тащить раненого в наше расположение.

Луч вылизывал изрытый грунт в опасной близости. Старцев навалился на Сидоренко и обхватил его руками.

– Тихо, Петро, тут же мины вокруг и прожектор шарит! Тихо...

Но удержать на месте великана не получалось. Сложившись пополам, уроженец Одессы крутанулся и сломал плечом торчащую из земли короткую веточку ивы. Напрасно Старцев пытался затащить его обратно в коридор – силы были не равны.

– Живо помогите ему! – приказал Васильков.

Два разведчика рванулись обратно, но доползти до раненого не успели. Внезапно там, откуда исходили шорохи и сдавленный стон, грохнул взрыв противопехотной мины.

Глава первая

Москва

Июнь-июль 1945 года

Сформированный в Федерсдорфе эшелон неспешно катил на восток, подолгу простаивая на полустанках и пропуская поезда с техникой, заводским оборудованием, стройматериалами, лесом. Страна-победитель восстанавливалась после окончания тяжелейшей войны и остро во всем этом нуждалась.

Половина эшелона состояла из грузовых вагонов и платформ с имуществом и вооружением расформированной пешехотной дивизии. Другая половина представляла собой теплушки, в которых возвращался с войны рядовой и сержантский состав. В два пассажирских вагона третьего класса набились младшие офицеры. А в единственном купейном вагоне с аккуратной надписью «Berlin-Stralsund» с комфортом разместились старшие офицеры.

Золотилось ярким солнцем погожее летнее утро. На четвертые сутки путешествия эшелон медленно подбирался к западной окраине Москвы.

В тамбуре курили двое: лысый полковник в годах и молодой майор – Александр Васильков. На расстегнутых кителях в такт качавшемуся вагону позвякивали боевые ордена

и медали.

– В Москве-то кто-нибудь дожидается? – выпустил струю дыма полковник Тарасов.

– Мама, – улыбнулся Васильков и, мечтательно вздохнув, добавил: – И девушка.

– Это хорошо. Давно знаком с девушкой?

– В сороковом познакомились. И тоже, кстати, в поезде.

– Стало быть, всю войну ждала?

– Ждала. Училась на врача, работала в Главном военном госпитале имени Бурденко.

– Молодец. Тоже, значит, добывала победу, – одобрительно прогудел полковник. – И как же зовут твою невесту?

– Валентина.

– Хорошее имя. И моя супружница Евдокия меня зажда-лась. Кабы была возможность известить о прибытии, непременно прибежала бы на вокзал. Мы ж с ней недалеко от вокзала проживаем – на Большой Садовой...

Эшелон медленно катил по Московской области. Попы-хивая папирасой, бывший начальник штаба расформиро-ванной дивизии поглядывал в окно тамбурной двери. Ва-сильков дымил рядом. Из вагона доносился смех, звон буты-лок и нетрезвые голоса попутчиков.

– Сколько еще, Петр Данилович? – спросил Васильков.

Тот глянул на запястье.

– Ежели нигде не задержат, часа через полтора прибудем.

Полтора часа. Всего полтора часа, и он окажется в род-

ном городе. Сколько лет он ждал этого момента! Сколько раз представлял, как таким вот солнечным утром выйдет из вагона на перрон...

Александр припомнил дворик родного дома, подъезд, деревянную дверь в большую коммунальную квартиру с номером в ромбике. И снова представил скорую встречу с мамой и с любимой Валентиной.

Ощувив сдавивший грудь приятный холодок, он улыбнулся и затушил папиросу.

* * *

Василькова никто не встречал, так как сообщить о приезде, равно как и высчитать хотя бы приблизительное время прибытия эшелона было невозможно. Тем не менее, когда Александр, поправив на голове фуражку и подхватив чемодан, прыгнул со ступенек тамбура на перрон, счастье переполнило его душу.

Вот он, этот долгожданный счастливый момент! Наконец-то он снова в своем родном городе! Война окончена, в чистом московском воздухе не ощущалось примесей сгоревшего пороха, а в мирном голубом небе не гудели военные самолеты, а граждане спешили не в бомбоубежища, а по своим сугубо житейским делам.

Сделав несколько шагов по перрону, он вдруг невольно остановился: что-то было не так. Раньше он бывал на Бело-

русском вокзале и многое узнавал. И все же что-то вокруг изменилось. Из-за отсутствия ремонта здание вокзала заметно постарело: краска потрескалась, местами облупилась; кое-где были разбиты стекла. Тем не менее, вокруг было чисто: соседний свободный от пассажиров перрон подметали дворники, а на дальнем торце вокзала Васильков заметил деревянные леса для восстановления фасадной части здания.

– Ничего. Все поправим. Все отремонтируем. – Улыбнувшись, он пошел дальше.

Выйдя на площадь Тверской Заставы, бывший командир разведроты обнаружил автобусную остановку.

Старенький «ЗИС-16» долго и нутно кряхтел, пробираясь по московским улочкам в район Сокольников. Выскочить из переполненного салона пришлось далеко от дома, но Васильков несколько не расстроился и с удовольствием отправился пешком по знакомому с детства району. Все вокруг излучало тепло и радость: ярко светило летнее солнце; встречные прохожие улыбались Александру, будто знали его много лет; в вазонах алели гвоздики...

Вот и двор родного дома, который после долгой разлуки почему-то уменьшился в размерах. Подъезд с удивительно знакомым запахом. Ступени каменной лестницы, крашенные стены, беленый потолок. Деревянная дверь с номером в ромбике. И настороженный голос мамы после двух коротких звонков:

– Кто там?

Мама не знала молитв, не ходила в церковь, не хранила дома икон. Но, крепко обнимая сына, она смахивала слезы и благодарила бога за то, что он «не отнял у нее единственную кровиночку».

Ближе к вечеру в длинном коридоре, бравшем начало от входной двери и кончавшемся в общей кухне, накрыли столы, за которыми уместились все соседи дружной и большой коммунальной квартиры. Это был настоящий праздник! Звучали тосты, на глазах у многих блеснули слезы радости. Улыбались даже те, у кого война отняла близких...

На следующий день Васильков привел себя в порядок, отгладил мундир, начистил сапоги, купил на базаре букет цветов и отправился к Валентине.

* * *

Минул почти месяц с того момента, как Александр вернулся в Москву. Отдохнув несколько дней с дороги, он пошел в Московское государственное геологическое управление, из которого четыре года назад был призван в армию. Настала пора возвращаться к мирной жизни, трудоустраиваться по специальности, делать предложение Валентине, подавать заявление в ЗАГС, обзаводиться собственным жильем.

– Да, Александр Иванович, хлебнули вы лиха. – Заместитель начальника Управления по кадрам кивнул на два золотистых галуна на кителе Василькова. – Где же это вас так?

– В сорок третьем в окружении под Гомелем. Вторично в июле сорок четвертого на западном берегу Вислы.

Беседа со старым знакомым заканчивалась. Расстроенный ее результатом Васильков намеревался попрощаться и покинуть Управление.

– Не огорчайтесь, Александр Иванович, – сказал кадровик, заметив тень на лице офицера. – Ведь не все, вернувшиеся в Москву из Семипалатинска, захотят и далее трудиться по профессии. Мне приказали поддержать для них вакансии, но долго это продолжаться не может. Месяц-два... В общем, заходите.

Он написал в блокноте номер, вырвал листок и протянул Василькову.

– Или звоните по этому номеру.

– Благодарю вас.

– Уверен, у нас найдется для вас место...

* * *

Два-три раза в неделю он встречал Валентину возле ворот больницы, они прогуливались пешком до ее общежития. Чаще видеться не получалось: девушке иногда выпадало дежурить в отделении, а Александр устроился на оборонное предприятие и с непривычки здорово уставал.

Московские улицы ремонтировали и приводили в порядок. Обустраивали клумбы, открывали ларьки с газирован-

ной водой. И даже появлялись продавщицы в белых халатах, торгующие мороженым. Сегодня Александру и Валентине повезло – они встретили такую торговку и купили две порции эскимо. Давно забытый вкус напомнил обоим довоенную студенческую юность...

Время было позднее. Очередное свидание завершалось, предстояло прощаться.

– Какая она, Саша? – задумчиво спросила Валя.

– Ты о ком?

– О войне.

Ведя девушку под руку по набережной Москвы-реки, молодой человек вздохнул. Оставаясь наедине со своими мыслями, он и сам не раз задавался тем же вопросом.

Война. Какая она? Кто ж ее знает.

Он попал на фронт в конце июня сорок первого зеленым юнцом в звании младшего лейтенанта. По одному кубарю в петлицах мешковатой полевой формы неопределенного цвета. Времени на раскачку никто не давал – в первый же день он вляпался в такую заваруху, что едва выбрался из сжимавшегося кольца окружения. С боями отступая на восток вместе с остатками разбитых частей, привыкал, впитывал, учился азам военного дела, которых выпускнику гражданского вуза катастрофически не хватало. Бывший геолог оказался на удивление понятливым малым. Сообразительность, хватка, наблюдательность, хорошая память, профессиональное владение топографией и добротная физическая подготовка

позволили быстро влиться в состав кадровых офицеров. В августе сорок первого Васильков получил звание лейтенанта и стрелковый взвод во вновь сформированной пехотной дивизии. А уже в октябре командир этой дивизии вручил ему перед строем первую боевую награду. Ну а дальше последовал перевод в разведку со всеми вытекающими. Бессонные ночи, головокружительные рейды по тылам противника, засады, охота на «языка», отходы под ураганным огнем...

– Затрудняюсь, Валя, однозначно ответить, – сказал Васильков. – Иногда мне кажется, что знаю про войну все. А в какие-то моменты вдруг понимаю, что до этого «всего» – как от Бреста до Берлина. Одно могу сказать с полной уверенностью: никогда не возникало сомнений в необходимости выполнять долг перед Отечеством. Раз уж надел военную форму и присягнул на верность Родине, то изволь отбросить все сомнения. Только вперед – до полной и окончательной победы.

Валя понимающе кивнула и надолго замолчала. Потом крепче прижала к себе его руку и тихо произнесла:

– В одной из госпитальных палат под моим наблюдением лежали двое: наш сильно обгоревший танкист и пленный немец. Как-то раз я заглянула туда, поинтересовалась самочувствием. Превозмогая боль, танкист ответил: «Я нормально. А ему требуется помощь. Стонет, бьется в судорогах. Помогите ему, сестричка...» В этот момент я вдруг осознала: они уже не враги. Они – простые люди. Два тяжелораненых че-

ловека, лежащих рядом и пытающихся выкарабкаться с того света. Позже я не раз наблюдала, как быстро происходит это сближение. А однажды зимой я везла на санках в столовую хлеб и встретила колонну пленных немецких солдат. Они медленно шли по проезжей части – замерзшие, в прожженных шинелях, с рванными одеялами на головах. Холод на улице был такой, что птицы на лету замерзли. Последним в колонне шел совсем молоденький солдатик. Мальчишка лет пятнадцати. Ослабший, измученный, на испачканном лице замерзшие слезы. Он плелся по мостовой, а взгляд его прямо приклеился к моим санкам. Его пересохшие губы что-то шептали. Я не выдержала: отломила горбушку и протянула ему. А он встал, смотрит на меня и не верит...

Валя всхлипнула и уткнулась в плечо Александра. Он обнял ее, прижал и, глядя на блики водной ряби, с горечью подумал о том, что война шла не только на передовой. Ее ужасы коснулись даже тех, кто находился за тысячи верст от линии фронта.

* * *

Некоторое время Васильков регулярно звонил в отдел кадров Московского государственного геологического управления и разок даже заехал. Однако вакансий по-прежнему не появилось. При увольнении в запас майор получил приличную сумму денежного довольствия, но сидеть дома

все равно не хотелось, потому он принял решение временно устроиться учеником слесаря на оборонный завод на Авиамоторной.

Работая в первую смену, вечерами Александр встречался с Валентиной. Та блестяще сдала выпускные экзамены в медицинском институте и поступила на работу врачом в больницу на Соколиной Горе.

Прошло всего два месяца, как отгремели последние бои, а он все еще не вернулся с фронта. Как-то поздним вечером шагал домой после второй смены, свернул в проулок и вдруг слышал выстрел. Чуть позже выяснилось, что в одном из домов справляли день рождения и подвыпивший хозяин квартиры пальнул в небо из охотничьего ружья. Однако в тот момент Василькову было не до подробностей. Сработали рефлексy: пригнувшись, он мгновенно прильнул к ближайшей стене, отработанным движением сбросил с плеча автомат, правая рука приготовилась его перехватить, но... автомата не было.

Обернувшись, майор удивленно пробежал взглядом по пройденному маршруту в поисках потерянного оружия. Но и там его не было. Все это продолжалось не дольше секунды, в течение которой мозг инстинктивно отказывался понимать ситуацию: «Как же так? Почему нет автомата? Где он?» Наконец, осенила догадка: «Война ведь закончилась! Я в родном городе, и можно спокойно идти дальше...»

Он попытался сделать шаг, а мышцы не слушались, отка-

зываясь двигаться по «простреливаемой» территории. Пришлось делать крюк, обходить проулок. Тот вечер прошел в неприятном тумане, а окончательно Васильков успокоился лишь на следующий день.

Другой ночью майор проснулся от взрыва гранаты. Вскочив, начал шарить вокруг в поисках сапог и поясного ремня с кобурой. Не нашел. И тут голос матери, вернувшейся из общего коридора: «Спи, сынок, спи. Это соседское корыто со стены упало».

А недавно на заводе запускали новую линию. Васильков возвращался домой слишком поздно. Метро уже не работало. Можно было завалиться спать до утра в раздевалке, как это сделали другие. Но майор же смелый, кого ему бояться?

От заводской проходной он прошел вдоль «железки» до Лефортовского Вала, повернул направо. Ночь, темно, вокруг ни одной живой души. В желудке был такой же вакуум, и жутко хотелось спать. Васильков топал в сторону дома, мечтая об ужине и сладком сне, как вдруг заметил на фоне желтого фонарного пятна два силуэта. Осторожно оглянулся — позади еще один.

Сначала по телу прокатилась волна знакомого до тошноты страха. Страх перед рукопашной, страха чужой ярости, страха боли и смерти. Но в следующую секунду Васильковым овладела спокойная уверенность в своих силах. Нет, страх не исчез. Он превратился в липкий сгусток и затаился где-то глубоко-глубоко. Основным же союзником стала уве-

ренность и четкое понимание того, что нужно делать.

Не меняя скорости, он поравнялся с двумя молодцами. Те о чем-то спросили. Мозг не среагировал на смысл сказанного. Он сконцентрировался на важных для предстоящей схватки деталях: у одного в правой руке короткий кусок металлической трубы, у второго – нож. Тот, что позади, пока далековато. Ему потребуется около пяти секунд, чтоб добежать до места заварухи.

– Начали, – привычно прошептал бывший разведчик и в один прыжок оказался перед мужиком с дубинкой.

Тот даже не успел толком замахнуться – Александр перехватил его руку, двинул локтем в челюсть и сделал отработанную подсечку. Мужик рухнул на асфальт.

Второй не был готов к такому повороту, но не стушевался, а шагнул навстречу.

Васильков сделал короткий выпад вперед с поворотом корпуса, и лезвие ножа пролетело мимо, а труба с сочным хрустом легла поперек рожи нападавшего.

Теперь третий. Майор резко обернулся туда, откуда слышался топот. Последний – вовсе не мужик, а пацан лет шестнадцати – бежал, торопливо выковыривая что-то из кармана.

«Не успеешь, сука!» – Александр рубанул его трубой по предплечью. Второй удар в область шеи и резкий толчок ногой, чтоб уложить на землю.

Все. Первый, приложившись затылком об асфальт, не шевелился. У второго и третьего болевой шок. Они даже не

кричали, а хрипели.

Рефлекс требовал добить поверженного противника. Васильков занес над головой огрызок трубы и... замер. Разум одержал верх, заставив вспомнить о том, что война окончена и перед ним не захватчики, а советские граждане. Не самые лучшие, но все же не враги.

И вновь он остался один на один с темной пустынной улицей. Страх растворился без остатка. Шагая в сторону Сокольников, Александр едва сдерживался, чтобы не закричать во всю мощь своих легких – как кричат новорожденные младенцы: от безысходности, от непонимания происходящего, оттого, что попал в неизвестный доселе мир.

Внезапно он остановился. Обернувшись, посмотрел туда, где минуту назад принял рукопашный бой и едва не прикончил незадачливых грабителей.

Нет, ему их не было жаль. Просто пришло осознание того, что война – не период времени, не территория, охваченная огнем и горем. Война – это состояние души и постоянная готовность убивать. Получалось, что он до сих пор не вернулся с фронта. Спокойными и лишенными эмоций оттуда возвращались лишь погибшие. Все остальные вынуждены еще долгое время жить по-фронтовому.

Глава вторая

Москва

12 июля 1945 года

В этот день на Белорусском вокзале столицы происходило нечто странное. Ранним утром на одну из примыкавших к вокзалу улиц начали подъезжать грузовики с вооруженными подразделениями НКВД. Несколько старших офицеров тут же распределяли эти подразделения, назначая их на охрану привокзальной территории.

В половине пятого утра московские улицы еще оставались пустыми. Разве что дворники в своих светлых холщовых фартуках зевали на светлевшее небо и нехотя приступали к работе, да изредка проезжали фургоны, развозившие по магазинам свежее испеченный хлеб. Огромная площадь вокзала была полностью оцеплена двумя рядами солдат, вооруженных автоматами.

В это время по путям возвращались два обходчика.

– Чегой-то они затевают, Митрич? – спросил тот, что помоложе.

Митрич опасливо покосился на пробежавших по перрону солдат в синих фуражках.

– Никак опять эшелон с трофеями на подходе. Иль по репарации чего везут. Тут каждый день по пять-шесть эшело-

нов с фабричным оборудованием подходит, но такую суматоху вижу впервой...

Через четверть часа стало ясно, что Митрич был прав и оцепление выставлено неспроста. С запада, пыхтя клубами пара, к вокзалу медленно подползал товарный состав. Впереди, оцетинившись пулеметными и винтовочными стволами, двигалась низкая платформа. Помимо грузовых вагонов в составе был один пассажирский и несколько теплушек с солдатами.

Остановился состав на одном из запасных путей. Под навесом грузового перрона тоже стояли солдаты, тут же поезд поджидала группа генералов и людей в штатском.

Сразу после остановки из пассажирского вагона выскочил военный в начищенных до зеркального блеска сапогах. Отработанным движением он оправил китель и, чеканя шаг, подошел к встречавшим.

– Товарищ народный комиссар! – эхом прокатился в тишине его высокий голос.

Но тот, к кому он обращался, вскинул руку.

– Не так громко, майор. А то вся секретность полетит к черту.

– Понял, товарищ народный комиссар, – уже тише продолжил вояка. – Ваше приказание выполнено: золото из коллекции Генриха Шлимана в количестве девяти тысяч предметов из Берлина доставлено. По пути следования эшелона № 176/2284 происшествий не случилось. Доложил член тро-

фейной бригады майор Дружинин.

Нарком снисходительно пожал ему руку.

– Ну, давай взглянем на твое немецкое золото...

Обернувшись к вагону, Дружинин дал отмашку.

Из тамбура тотчас выскочили два младших офицера. Подхватив темно-зеленый деревянный ящик, они поставили его перед наркомом. Майор приподнял край ящика, на котором отчетливо виднелись сургучные печати.

Убедившись в их целостности, кивнул:

– Вскрывай.

Разломав печати, Дружинин высвободил проволоку, проворно щелкнул замками и откинул крышку.

Перед народным комиссаром предстало несколько десятков золотых изделий, лежавших на мягкой холстине.

– Это верхний слой, – подсказал майор и осторожно приподнял холстину.

Под ней зашелестела светлая деревянная стружка, сквозь которую поблескивало золото следующего слоя.

– Неплохо, – оценил нарком.

* * *

Эту богатейшую коллекцию исследователи и специалисты называли по-разному: «Клад Приама», «Золото Трои», «Троянские сокровища», «Золото Шлимана».

Согласно записям в дневнике немецкого предпринимате-

ля и археолога Генриха Шлимана, клад Приама он обнаружил в мае-июне 1873 года на северо-западе Турции у входа в пролив Дарданеллы. Находка состояла из девяти тысяч ценных предметов, среди которых особенно выделялись крупные: кубки, браслеты, височные кольца, шейные украшения, диадемы, налобная золотая лента и ладьеобразная чаша весом около шестисот граммов. Остальной «улов» представлял собой вещицы помельче: бусины, бисер, пластины сердцевидной формы, серьги.

Опасаясь полной конфискации клада турецкими властями, Шлиман тайно вывез драгоценности в Афины. Однако молодое греческое государство по политическим соображениям отказалось от предложения немецкого археолога построить на своей территории музей для экспозиции «Золота Трои». По политическим и финансовым причинам отказались от подобного предложения и другие страны: Великобритания, Франция, Италия. Готовность принять клад изъявили лишь Пруссия и рейхсканцлер Германской империи Отто Бисмарк. Так в феврале 1882 года в залах берлинского Музея художественных ремесел торжественно открылась выставка «Золото Трои», которую в первый же день посетили император Вильгельм с кронпринцем Фридрихом.

Через три года знаменитая коллекция переехала в новое здание берлинского Музея народоведения, который с 1933 года стал именоваться «Музеем древнейшей и древней истории».

В 1939 году «Золото Трои» по приказу Гитлера вывезли из музея и спрятали в надежном месте. А в конце 1941 года троянские сокровища наряду с другими ценными предметами музейных коллекций упаковали в три ящика и перевезли в зенитную башню люфтваффе Flakturm I, расположенную на территории Берлинского зоопарка.

В 1945 году за дальнейшую эвакуацию «Золота Трои» отвечал директор Музея древнейшей и древней истории профессор Вильгельм Унферцагт. На свой страх и риск он слушался приказа фюрера, оставил сокровища в Берлине и лично занимался их охраной, дабы предотвратить мародерство и расхищение.

В конце Второй мировой войны Унферцагт передал ящики с бесценной коллекцией советским властям.

* * *

– И сколько в эшелоне таких ящиков?

– Три, товарищ нарком.

– Всего три? – удивился тот. – Ты же доложил о девяти тысячах предметов! Как они могут уместиться в трех ящиках?

– Они в основном все мелкие, товарищ нарком: кольца, бусинки, серьги, пластинки сердцевидной формы. А в этом ящике собраны самые крупные.

– Ладно. Где остальное?

– Вся коллекция размещена в штабном купе, – кивнул

Дружинин в сторону пассажирского вагона. – Прикажете принести?

– Нет, пусть пока полежат, – сказал нарком. Отыскав кого-то взглядом среди сопровождавших, приказал: – Меркулов, принимай коллекцию. А ты... – нарком повернулся к майору, – сдашь все по инвентарным листам, подпишешь акты и можешь быть свободен. Даю два дня отдыха, доволен?

– Так точно!

Отдав необходимые распоряжения, нарком уехал. Внутри штабного купе пассажирского вагона уединились двое: директор Пушкинского музея Сергей Меркулов и член трофейной бригады – майор Серафим Дружинин. Оба спешно готовили коллекцию к перемещению в специальное хранилище.

Глава третья

Москва

Июль 1945 года

Деревянный павильон с надписью «Пиво-воды» был до отказа набит посетителями. В воздухе висела плотная табачная пелена, сквозь которую отовсюду доносились гомон, пьяный смех и мат. Шум не раздражал, а к едкому дымку солдатской махорки Васильков относился спокойно – привык за четыре года окопной жизни. Чего не скажешь о кисловатом запахе местного «Жигулевского», дешевой водки и еще бог знает чего.

Васильков отхлебнул из кружки, поморщился. На вкус пиво здорово отличалось от того, каким угощали москвичей довоенные питейные заведения.

– «СПГ с прицепом», – подмигнул сменившийся сосед, поставил на высокий столик кружку с пенной шапкой, полстакана водки, а на клочок газеты положил бутерброд. – Не желаешь?

– Спасибо, я только по пиву, – отказался Александр.

– Ну, как знаешь...

Сосед был на костылях. Вместо левой ноги из брючины торчала круглая деревяшка. Приспособив к стойке один костыль, мужик оперся на другой, опрокинул в рот водку, за-

нюхал кусочком хлеба с тонкой пластинкой серого плавленого сырка и вытянул из кармана мятую пачку ленинградского «Беломора».

Васильков забрел в павильон по дороге домой, отстояв у слесарного верстака первую смену. Оказавшись за проходной, он вдруг почувствовал страшную усталость: голова гудела, руки висели словно плети, ноги налились свинцом, каждая сотня метров давалась с трудом. «Это из-за погоды, – поглядел Александр в хмурое небо, – или с непривычки. Никогда в своей жизни не выполнял такую однообразную и монотонную работу. Потому, видно, мне слесарное дело и не нравится. Не мое это...»

Номерной завод выпускал авиационные моторы. Очень нужное производство даже в мирное время. Василькова приняли на работу сразу и без проволочек. Майор в отставке, член партии с трехлетним стажем, семь боевых орденов и столько же медалей – все это говорило о нем лучше любой характеристики. Он не подводил, относясь к новой профессии со всей серьезностью: вникал, присматривался, учился. Уже неплохо получалось, но... с каждым днем Александр все отчетливее осознавал, что эта профессия не для него.

– Я раз в месяц в этом «шалмане» пивком балуюсь. Что-то тебя раньше не встречал, – заметил сосед.

Отвечать не хотелось. Не было настроения завязывать новое знакомство, откровенничать. К счастью, мужик не настаивал.

– Курить будешь? – пододвинул он пачку.

Васильков вытянул папиросу, привычно смял мундштук.

Чиркнув спичкой, все же справился:

– А чего же раз в месяц? Или «шалман» не каждый день работает?

Инвалид усмехнулся.

– Я, мил человек, сюда рад бы каждый день захаживать, да жизнь моя, с тех пор как потерял ногу, шибко переменилась. Пенсию мне положили по третьей группе – аж триста двадцать два рублика, выдали рабочую карточку, прикрепили к инвалидному спецмагазину. В нем и продукты получше, и сразу за месяц можно отовариться.

«Так чего ж тогда?» – непонимаючи глядел на соседа бывший майор.

– Ну, пенсия моя, сам понимаешь, только паек выкупить, – объяснял тот, неспешно потягивая пиво. – А пайка на месяц, как ни растягивай, не хватает. Его в три дня можно слопать, за исключением хлеба. Хлеба прилично дают, да невкусный он – много не съешь. Вот так, мил человек.

– Как же вы... справляетесь?

– Хочешь жить – соображай. В пайке мне две бутылки водки полагается. Я их выкупаю по тридцать целковых каждую. Одну, конечно, употребляю – как же без нее, родимой? А вторую тащу на базар. За триста, может, и не продам – стоять долго придется, а за двести или двести пятьдесят – верняк. На эти деньжата и тяну: где килограмм картошечки

перехвачу, где немного маслица или сальца. Вот так, мил человек. Ну, а пиво... – Он снова сделал мелкий глоток, экономя напиток. – С пивом в Москве порядок. Два с полтиной – кружечка, или за пять – «СПГ с прицепом». Это почитай даром. Тут неподалеку год назад грелка¹ открылась. Так я тебе доложу по секрету: там стакан сладкого чаю с таким же бутербродом всего за полтора целковых подают. Мне когда с голодухи совсем припечет – туда ковыляю...

Покончив с пивом, Васильков отправился к прилавку и купил еще две – для себя и соседа.

– Угощайтесь, – вернулся он к стойке.

Инвалид удивленно вскинул левую бровь, но возражать не стал – принял.

– Спасибо, мил человек. Уважил...

Александр сдул пену, хлебнул и достал очередную папиросу.

И вдруг услышал:

– Саня!

Чиркнул спичкой, прикурил. Крутить головой и искать зовущего не стал – мало ли вокруг тезок?

– Сашка! Васильков! Ты? – совсем громко прокричал кто-то за спиной.

Совпадение исключалось. Повернувшись, майор прищурился, всматриваясь сквозь завесу дыма. Распихивая посетителей и опираясь на палочку, к нему пробирался Старцев.

¹ Грелка – чайная.

– Иван?! – изумленно прошептал майор.
И кинулся обнимать фронтового товарища.

* * *

Внешне Старцев почти не изменился. Опираясь на трость, он шел рядом: такой же худощавый, но статный, широкоплечий, с открытым скуластым лицом и с большими крестьянскими ладонями. Разве что пышный чуб, вечно выбивавшийся из-под военного головного убора, стал покороче и местами приобрел серебристый оттенок.

– Все такой же, – с улыбкой похлопал друга по плечу Васильков.

– Где там! Виски вон седые, – отмахнулся тот. – Вот тебя будто законсервировали: высокий, смуглый, улыбчивый. Как вчера расстались под Курском.

– Сколько же мы с тобой не виделись?

– Почитай, два года с хвостиком, – подумав, ответил Иван. И уточнил: – Если не изменяет память, меня нашпиговало осколками в ночь с шестого на седьмое июля сорок третьего.

Васильков кивнул:

– Верно. Мы дотащили тебя и Сидоренко до первой линии, передали санинструкторам и больше не виделись. Я потом пытался разузнать через командира полка, но у Рыльска началась такая заваруха, что начальству стало не до нас.

– Да, я про это знаю, – вздохнул Старцев. – Мы с Петром

Сидоренко лежали в хирургии эвакогоспиталя города Ми-
чуринска и старались не пропустить ни одного сообщения
с фронта – радиоточка в большой палате, считай, выключа-
лась только на ночь. Ужасно тогда переживали: на Курской
дуге тяжелейшая битва, кровь льется рекой, а мы отдыхаем.

– С Петром, надеюсь, порядок?

– Порядок. Его доктора раньше меня выписали.

На улице вечерело. Друзья покинули шумный пивной па-
вильон и отыскиали свободную лавочку в небольшом сквере.
Погода в этот день хоть и не баловала, но дождя не ожида-
лось. Можно было прогуляться до Сокольников, однако, по-
сматривая на тросточку товарища, Васильков решил этого
не предлагать, и они свернули в сквер.

– Как нога? – осторожно поинтересовался майор.

Иван поморщился:

– Врачи собрали, да что толку? Разворотило – будь здо-
ров. Пришлось часть ступни ампутировать. Хромаю, Саша.
Но жизни и работе это не мешает. А ты, стало быть, недавно
в Москву вернулся?

Васильков поведал товарищу о последних месяцах войны,
об уцелевших однополчанах и о первых неделях пока еще
непривычной мирной жизни.

– Значит, на заводе трудишься? – выслушав, поинтересо-
вался Старцев.

– Да. Пока учеником, в сентябре сдаю на разряд.

– Ну и как? Нравится?

– Сложно сказать, – замялся Александр. – Хороший современный завод, очень полезная для страны работа. Но уж больно разнится с нашей службой в разведке. Не хватает мне ее, Ваня. Ух, как не хватает.

Иван пристально посмотрел на боевого товарища, достал папиросу, шумно дунул в мундштук.

– А если бы я предложил попробовать себя на похожей стезе – согласился бы?

– На похожей?.. Погоди... А ты, выходит, работаешь?

– Скорее, служу. И, кстати, тоже недавно стал майором, – улыбнулся Старцев.

* * *

Разговор вышел долгим – из сквера на прилегающую улицу товарищи вышли, когда в небе уже зажглись звезды. По пути до ближайшего перекрестка договорились встретиться через пару дней и, попрощавшись, разошлись в разные стороны.

Радость переполняла душу Василькова – домой он летел, точно на крыльях.

Во-первых, судьба подарила встречу с лучшим фронтовым другом, с которым не раз рисковал жизнью и съел не один пуд армейской соли.

Во-вторых, Иван Старцев предложил попробовать себя в Московском уголовном розыске, где сам трудился два по-

следних года. Работа в МУРе, по его рассказам, мало походила на службу в армейской разведке, но все же была повеселей монотонных будней слесарного цеха.

Александра заинтересовало предложение друга. Он буквально засыпал его вопросами о работе следователя и готов был отправиться в отдел кадров Управления хоть сейчас.

Посмеиваясь, Иван настаивал: «Не горячись. Обдумай все в спокойной обстановке, посоветуйся с близкими людьми. У нас ведь такие случаются запарки, что твой слесарный цех крымским санаторием покажется: и ночуем в кабинетах, и сухарями перебиваемся вместо горячих обедов. Возьми двухдневную паузу, после встретимся, и ты решишь».

На том и сошлись.

Глава четвертая

Москва

12 июля 1945 года

Вся коллекция находилась в штабном купе. В нем же постоянно проживал майор Дружинин, головой отвечавший за сохранность драгоценностей. В соседних купе ехали двенадцать младших офицеров НКВД, посменно охранявших оба вагонных тамбура. Для передачи коллекции внутри вагона остались лишь два старших офицера.

Во время пересчета мелких предметов коллекции оба никуда не отлучались, кропотливо фиксируя каждое мелкое украшение. Когда остался последний ящик с крупными предметами, в коридоре вагона слышались торопливые шаги, затем в купе кто-то постучал.

– Кто там? – насторожился Меркулов.

– Товарищ майор! – слышался голос одного из младших офицеров.

– Что вы хотели? – оторвался от заполнения документов Дружинин.

– Прибыл посыльный от военного коменданта вокзала. У него для вас срочное сообщение.

– Разузнайте, в чем дело, Серафим Антонович, – попросил директор музея.

Дружинин покинул купе, а Сергей Дмитриевич Меркулов продолжил пересчет золотых изделий...

* * *

Неподалеку от оцепившей вагон охраны ждал незнакомый молодой офицер. На его правой руке виднелась красная повязка с надписью «Дежурный помощник коменданта».

Дружинин спрыгнул из тамбура на перрон.

Офицер тотчас вытянулся, сделал шаг навстречу, приложил ладонь к козырьку и доложил:

– Товарищ майор, в комендатуру поступил звонок из Главного управления госбезопасности.

– Что передали?

– Сказали, что машины выехали и будут здесь около восьми часов утра.

– Понял. – Дружинин посмотрел на часы. До указанного срока оставалось пятнадцать минут. – Вы свободны.

Дежурный козырнул и, развернувшись на каблуках, молодцевато зашагал в направлении вокзала.

– Скоро придут машины, – предупредил охранников майор и вернулся в вагон.

Меркулов укладывал в ящик пересчитанное золото, но рядом на столе оставалось еще несколько предметов для сверки с инвентарными списками.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, не поднимая го-

ЛОВЫ.

– Нужно ускорить работу – специальный отряд охраны для перевозки ящиков в спецхран на подъезде.

– Рад бы ускорить, да не получается. Я ведь, батенька, по специальности скульптор, а не бухгалтер и не служащий ломбарда.

Серафим Антонович и впрямь выполнял работу по пересчету драгоценностей слишком медленно. Он осторожно брал тонкими длинными пальцами каждую золотую пластинку или бусинку, подносил к подслеповатым глазам и несколько секунд внимательно рассматривал сквозь массивные линзы пенсне.

Майор улыбнулся и присел рядом.

– Давайте, помогу...

Через несколько минут слаженных действий они покончили с последним ящиком.

– Ну вот и славно, – довольно потер руки Меркулов. – Все сходится. Осталось подписать акты.

Они разложили на столе документы и принялись по очереди подписывать многочисленные листы сверок.

* * *

Три черных легковых автомобиля остановились у дальнего конца грузового перрона даже немного раньше обозначенного телефонным звонком времени. Водители с алыми

погонами НКВД остались возле машин, а группа из шести офицеров поднялась по ступенькам на перрон и направилась к штабному вагону. Впереди уверенной походкой вышагивал пятидесятилетний генерал-майор, за ним следовал полковник. Двое офицеров свиты были вооружены автоматами ППШ.

По мере движения группы вдоль состава автоматчики из охранного подразделения вытягивались и замирали по стойке «смирно». Хмурый генерал не обращал на них никакого внимания...

У штабного вагона они остановились. Четверо из числа пришедших оттеснили охранников у входа, образовав коридор. Генерал с одним из офицеров поднялись по ступенькам в тамбур...

* * *

Первые подозрения у охраны эшелона возникли в тот момент, когда в проеме открытой двери тамбура с ящиком в руках возник полковник, сопровождавший генерала. Он почему-то не позвал на помощь никого из подчиненных, а тащил ящик сам. Надрывался, пыхтел, матерился, но упорно тащил тяжелую ношу.

Вторая заминка случилась, когда генерал вернулся на перрон, а полковник отдал ящик стоявшим внизу офицерам. Отдал и замер, словно не зная, что делать дальше. Он смот-

рел на генерала, и в глазах его читался вопрос: «Что дальше? Возвращаться за следующим или хватит одного?»

Меньше других в замешательстве пребывал капитан Вейншток – начальник охранного подразделения. Он был опытным сотрудником с длинным послужным списком, не раз привлекался к охране первых лиц государства, знал в лицо руководство всех пяти главных управлений НКВД. Прибывшего человека в генеральской форме он видел впервые.

Поборов робость, он шагнул навстречу:

– Товарищ генерал, разрешите взглянуть на ваше удостоверение?

Тот смерил капитана строгим взглядом.

– Прошу прощения, товарищ генерал, но у нас приказ наркома, – пояснил Вейншток.

– Понимаю. – Генерал полез в карман кителя.

Пока он копался за пазухой, ситуация накалялась. В центре стояли генерал с полковником и капитаном Вейнштоком. За спиной генерала два его офицера держали ящик. Еще двое из прибывших находились сбоку. Охранники понемногу охватывали центр событий полукольцом.

Первым не выдержал молодой старший лейтенант из генеральской свиты – выхватил пистолет и открыл стрельбу по стоявшим рядом охранникам. И тут началось...

Моментально рассыпавшись по перрону, две группы людей в форме НКВД открыли друг по другу ураганный огонь. Охранники палили очередями из ППШ, генеральская сви-

та отвечала одиночными выстрелами из пистолетов ТТ и короткими очередями из двух автоматов...

* * *

Подразделение охраны превосходило напавших на эшелон «офицеров» по численности и огневой мощи. Налетчиков спасли ожидавшие их возле автомобилей водители. Один приволок из машины ручной «дегтярь», двое других поддерживали подельников из немецких пистолетов-пулеметов.

Бой у эшелона вышел скоротечным. Десяток басовитых очередей дал пулемет, дважды бахнули ручные гранаты, сухо потрещали ППШ. Затем взвыли моторы, и три автомобиля унеслись от вокзала в неизвестном направлении.

Уцелевшие охранники медленно поднимались, отряхивая с галифе пыль. Несколько человек получили легкие ранения, пятеро так и остались лежать на бетонном перроне. Двое убитых были из группы «генерала».

Глава пятая

Москва

12 июля 1945 года

Сидя на подоконнике, Старцев рассматривал фотографии. Утром он лично побывал на грузовом перроне Белорусского вокзала. На месте осмотрел пассажирский вагон, штабное купе, тела убитых, опросил свидетелей. И подсказал штатному фотографу Управления пару ракурсов, которые, по его мнению, имеют интерес для следствия.

С одной стороны, мотивы вооруженного нападения были Ивану ясны и понятны. Чего уж тут не понять? Незвестная банда каким-то образом пронюхала о прибытии в Москву трофейного поезда с ценнейшей берлинской коллекцией, раздобыла форму НКВД, легковые автомобили и осуществила налет. В результате – три убитых охранника и минус один ящик с самыми крупными золотыми предметами коллекции.

Другая сторона наглого преступления казалась темной и бесперспективной.

Вздохнув, Старцев покосился на Василькова, сутки назад зачисленного в его оперативно-следственную группу стажером. Фронтовой товарищ сидел за ближайшим к двери столом и внимательно рассматривал немногочисленные улики, оставленные бандитами на месте преступления. Другие со-

трудники пребывали в заботах: трое поехали в медицинские учреждения опрашивать раненых, четвертый торчал в лаборатории, ожидая результатов баллистической экспертизы захваченного у бандитов оружия. Наконец, последний сотрудник сначала рылся в архиве, а теперь пытался отыскать зацепку с помощью двух комплектов обмундирования, снятых с убитых налетчиков. Срезав бирки и образцы ткани, он отправился по московским пошивочным мастерским, исполнявшим военные спецзаказы.

Ну а Сашку Иван оставил при себе. Если на фронте многоопытный разведчик Васильков поначалу многому учил молодого Старцева, то здесь все обстояло с точностью до наоборот.

Иван отложил фотографии убитых:

– Что скажешь по изъятым вещам?

Перед Васильковым на столе лежало несколько предметов, найденных в карманах преступников. Пластмассовая расческа со сломанным последним зубцом, небольшой кулек с кусковым сахаром, пяток мелких монет и бумажные купюры, наполовину пустой коробок спичек, а также слегка помятые продуктовые и товарные карточки.

– Ничего не скажу, Ваня, – вздохнул он. – Обычные вещи, которые носит при себе любой человек.

Подойдя к столу, Старцев постучал указательным пальцем по спичечному коробку.

– Так уж и обычные?

Васильков только развел руками.

– Вот, к примеру, возьмем спички, – кивнул на коробок Старцев. – Они ведь способны рассказать очень многое о хозяине.

– Интересно, что же? – Васильков взял коробок и внимательно осмотрел его со всех сторон.

Иван шагнул к своему столу, выдвинул ящик, порылся в лежащих там бумагах и выудил листок с отпечатанным текстом. Положив его перед стажером, пояснил:

– Это список спичечных фабрик, исправно работавших в Советском Союзе с 1931 года. Напротив каждой фабрики указаны регионы, куда они поставляли свою продукцию.

– То есть, – сразу уловил смысл Александр, – если преступник потерял коробок спичек, выпущенный на фабрике «Искра», значит, он прибыл в Москву с Дальнего Востока?

– Конечно, возможны совпадения и случайности, но, скорее всего, так и есть. Потому что «Искра» находится в Благовещенске и снабжает спичками восточные регионы страны. А «Власть труда» из Нижнего Ломова обеспечивала этим товаром Пензу, Саратов, Тамбов и Куйбышев. Пока не закрылась в тридцать шестом.

– Но это калужский «Гигант», – потряс коробком Васильков. – Калуга поставляет спички в Москву и во все соседние области.

– Да, к сожалению, в нашем случае толку от этого вещдока никакого. Такие коробки продаются во всех магазинах и

киосках в радиусе пятисот верст. Вот если бы спички были произведены фабрикой «Гамарджвеба»...

– Не слышал о такой. И в списке ее нет. Что за фабрика?

– В переводе с грузинского – «Победа». Фабрика недавно организована в городке Мцхета рядом с Тбилиси. Из-за небольшого объема производства обеспечивает продукцией только Закавказье.

– Да-а... мне до настоящего следователя еще расти и расти, – со вздохом произнес бывший командир роты.

– Не отчаивайся, Саша. Ты не хуже меня знаешь: новичкам в любом деле сложно. Опыта – ноль. Знаний – столько же. К тому же постоянно присутствует страх совершить ошибку. И я два года назад начинал с похожим настроением. Ничего, как видишь, освоился. Все дисциплины сдал, так сказать, экстерном.

Помолчав, Васильков положил коробок на стол и кивнул на остальные вещи:

– Ну, а эти вещдоки нам точно не помогут. Купюры без каких-либо пометок. Расческа почти новая, но один зуб сломан; на ней не нацарапано ни одной буковки. Монеты... самые обычные.

– А что с карточками?

– Их я тоже внимательно осмотрел. Пустые. Незаполненные. Правда, я мало в них смыслю – в армии был на полном довольствии, поэтому вживую вижу третий раз. Мама вчера вечером точно такие же показывала, – поделился Алек-

сандр. – Кажется, сегодня она намеревалась часть из них отovarить.

Старцев давно ознакомился с изъятymi вещами, тем не менее, сгреб со стола карточки и еще раз внимательно осмотрел находку.

– Стандартная справка на получение карточек на июль 1945 года... – бубнил он. – Карточка на июль. Норма: мясо и рыба – 400 граммов, жиры – 300 граммов, крупа и макаронные изделия – 800 граммов, сахар и кондитерские изделия – 300 граммов. Линия отреза. Карточка на хлеб на июль. Норма – 400 граммов в день. ФИО – пусто... При утере не возобновляется.

Пробежав надписи глазами, Иван повернулся к окну и посмотрел карточки на просвет:

– Как полагаешь, почему ими не воспользовались? На месячных и декадных стоят печати, но графы не заполнены, не отрезана ни одна суточная карточка? А ведь почти половина июля прошла.

– Так на то они и бандиты! – удивился вопросу Васильков. – У них, должно быть, и без карточек добра хватает.

– Вот и я так думаю...

Старцев с безнадежным видом отдал товарищу серые бумажки с бледно-бордовым шрифтом. Вернулся к своему столу, над которым висели портреты Сталина и Дзержинского.

Достав из пачки папиросу, постучал мундштуком по косяшке указательного пальца и проворчал:

– Времени – в обрез, а у нас ни черта нет. Ни одной зацепки. Может, свидетели что-нибудь дельное расскажут...

* * *

– ...Да просто все обстояло – без канители и бюрократии. Я как костыли на трость поменял, так сразу принял решение и отправился на прием к начальнику МУРа. Тогда эту должность занимал комиссар милиции третьего ранга Рудин Касриэль Менделевич – умница, золотой мужик. Объяснил ему ситуацию. Он просмотрел все мои документы, партбилет, расспросил про ранение. Выслушав, вызвал кадровика. Я написал заявление, прошел несколько врачей, явился на расширенную комиссию, – рассказывал Старцев примерно за неделю до происшествия на Белорусском вокзале. – Члены комиссии тоже долго не рассусоливали: поинтересовались, в какой должности и в каком звании воевал, в каких участвовал операциях, где был ранен, давно ли состою в партии, имею ли награды и сколько совершил рейдов за линию фронта. На следующий день получил пистолет ТТ, удостоверение с гордой надписью «стажер» и проработал в данном качестве целых полгода. С утра до позднего вечера пахал, а ночью садился за учебники. Спал как на фронте – по три-четыре часа в сутки. А «для профессионального роста», как выражалось начальство, помимо прямых обязанностей следователя приходилось поддерживать в суде обвинение.

– Как это? – поинтересовался Васильков.

– Выступал на заседаниях от имени государства, замещая помощника прокурора общего надзора. Утром выезжал на место преступления, днем допрашивал свидетелей и оформлял документы, а вечером хромал в суд слушать очередное дело о мародерстве или грабеже. В общем, за полгода стажировки прошел все ступени служебной лестницы и стал неплохо разбираться в прокурорской кухне.

– Как же ты выдержал такую нагрузку?

– Тяжко, конечно, приходилось. Но, понимаешь, – мечтательно улыбнулся Старцев, – вся моя жизнь, до той поры мрачная и горькая из-за покалеченной ноги, вдруг забродила, как варенье, и превратилась в доброе вино. Не поверишь, у меня тогда будто крылья за спиной выросли...

Васильков хорошо понимал: служба в МУРе гораздо интереснее и разнообразнее, чем монотонный труд в слесарном цеху, но она и сложнее, и в разы ответственнее. Конечно, сборку авиационных моторов для военных самолетов тоже никто не рискнул бы назвать простой. Но ведь от четких и продуктивных действий оперативно-следственных групп по раскрытию преступлений и поимке асоциальных элементов как раз и зависела спокойная работа многих тысяч рабочих и служащих огромной страны.

И он решился. Когда по истечении трехчасовой прогулки по вечерней Москве Старцев задал главный вопрос, Александр ответил:

– Я согласен. Хочу попробовать...

* * *

С гильзами, пулями и бандитскими стволами сотрудники баллистической лаборатории разобрались быстро. Ближе к обеду старший лейтенант Игнат Горшеня положил на стол Старцева заключение.

Как и ожидалось, результаты экспертизы ничего не дали. Два пистолета-пулемета ППШ с 1943 года числились пропавшими с оружейного склада Вятско-Полянского машиностроительного завода. Пистолет ТТ до осени 1944 года был в служебном пользовании сотрудника московской милиции. В один из сентябрьских вечеров милиционер погиб при исполнении служебных обязанностей, а пистолет перекочевал в карман убийцы.

На оружии имелись качественные отпечатки, но толку с этого тоже было мало – «пальчики» принадлежали убитым преступникам и в криминальной картотеке не числились. Разве что пули, отстрелянные в специальном тире лаборатории, могли пролить свет на предыдущие преступления, совершенные при помощи данного оружия. Но этим Старцев решил заняться позже. Сейчас по приказу начальства он должен был бросить все силы на скорейшее расследование вооруженного ограбления трофейного эшелона.

– Наконец-то! – воскликнул он, увидев в дверях капитана

Егорова. – Что у тебя, Вася?

Егоров бросил на стол офицерскую планшетку, плеснул из графина в стакан воды и, жадно махнув его залпом, доложил:

– Директор музея Меркулов уже отпущен из госпиталя домой – у него небольшая ссадина над ухом от удара рукояткой пистолета и легкое головокружение. В целом практически здоров.

– Понятно. А Дружинин?

– С майором сложнее. Я побеседовал с Меркуловым, и он рассказал, что, находясь в штабном купе, Дружинин попытался оказать сопротивление переодетым в офицерскую форму бандитам. В результате получил несколько сильных ударов по голове.

– В сознание не пришел?

– Пока нет.

– Что говорят врачи?

– Состояние тяжелое, но стабильное.

Иван поморщился.

– Стало быть, опросить его в скором времени не получится. Что еще рассказал Меркулов? Внешность бандитов описал?

– Сейчас... – Порывшись в планшетке, Егоров достал лист бумаги. – Не много, но кое-что есть.

Старцев углубился в чтение...

Еще через час в Управление на Петровке вернулись капитан Олесь Бойко со старшим лейтенантом Ефимом Баран-

цом. В Московском коммунистическом военном госпитале они опрашивали раненых охранников НКВД. Более всего оперативно-следственную группу интересовала внешность нападавших, и здесь образовалась досадная странность: при появлении на перроне группы незнакомых офицеров внимание большинства охранников сосредоточилось на человеке в генеральской форме.

– К сожалению, это вопрос из области психологии, – расстроенно заключил Старцев, дочитав текст опроса до конца.

– Это как? – Егоров подхватил пустой чайник.

– Ну, как... Представь, что на моем столе лежат десять конфет.

– Представил.

– Девять одинаковых, а десятая в особенном, красивом фантике.

– И что?

– На какую конфету ты будешь таращиться?

– Теперь понял вашу мысль, Иван Харитонович.

Кивнув на чайник, Старцев негромко приказал:

– Организуйте-ка, ребята, кипяточку в буфете. Надо новичка нашего чаем напоить. А то заскучал, бедолага.

Егоров с чайником выскользнул из кабинета, а Иван подошел к сидящему за крайним столом Василькову. Склонившись над продуктовыми карточками, тот внимательно изучал их лицевую сторону.

– Чего ты их так рассматриваешь, Саня? – спросил Стар-

цев.

– Есть пара интересных моментов... – не поднимая головы, ответил тот. – Слушай, а нет ли у вас увеличительного стекла?

Засмеявшись, Иван выдвинул ящик стола.

– Ну ты даешь! Чтоб у оперативников не было увеличительного стекла! Да у нас этого добра хоть на барахолку неси! На, держи...

* * *

Ближе к семнадцати часам вернулся последний сотрудник оперативно-следственной группы – лейтенант Константин Ким.

– Ничего, – виновато шмыгнув, упредил он вопрос начальства. – Ни краж материала из пошивочных мастерских, ни странных заказов на изготовление.

– А «маскарады»? Я просил тебя поискать в архиве материалы о похожих «маскарадах», – напомнил Старцев.

– Я поискал, Иван Харитонович. За последние два года в Москве и Подмоскowie подобных выходов с переодетыми в военную форму бандитами не зафиксировано. Согласно архивным данным, последний подобный случай произошел в конце 1941 года при ограблении продуктовой базы в Мытищах.

– Давненько, – качнул головой Егоров.

– Ну и случаи за пределами Московской области. Например, банда Васьки Графа в Куйбышеве часто действовала в форме сотрудников НКВД.

Старцев отмахнулся:

– С бандой Васьки давно покончено. Но если других зацепок не появится, то придется вернуться к версии гастролеров.

В кабинете стало тихо, все потерянно молчали.

Патовая ситуация и впрямь не добавляла оптимизма. При убитых бандитах обнаружились малозначимые личные вещи. Ни документов, ни каких-либо важных улик, за которые можно было бы уцепиться. Мундиры, обувь и оружие тоже ничего не дали.

Оставалась последняя надежда на капитана Бойко. Около двух часов назад Старцев отправил его в Лефортово – в тюрьму для подследственных ГУГБ НКВД. Там «парились» несколько сговорчивых воров, готовых за послабление тюремного режима делиться со следователями важной информацией. Как правило, их по одному вызывали якобы для очередного допроса. Во время беседы щедро поили чаем, угощали бутербродами, хорошим табачком. И те охотно сдавали коллег по криминальному цеху.

Вернувшись, Олесь Бойко отдал Старцеву фотографии убитых в перестрелке бандитов и сообщил:

– Трех опросил. Бесполезно.

– Неужели ни одного не признали? – воскликнул Иван.

Олесь сокрушенно покачал головой.

– Либо и вправду никогда не видели, либо эта банда в уголовном мире на таком счету, что о ней говорят только шепотом.

– Черт, – выругался Старцев. И, глянув на часы, добавил: – У нас всего трое суток. Одни, почитай, прошли.

Глава шестая

Москва; район Марьиной Рощи

12 июля 1945 года

Так уж случилось, что построенная в XIX веке железная дорога Санкт-Петербург – Москва отрезала Марьину Рощу от Останкина и Сокольников. А проложенная через несколько десятилетий Виндавская ветка окончательно перепахала марьинорощинские земли и превратила район в отдаленный городской тупик, получивший невероятную популярность в криминальной среде.

В глухой части района на большом участке, огороженном от неровной брусчатой улочки дощатым забором, стоял двухэтажный дом. С улицы от посторонних глаз дом надежно закрывали густые липы и кусты черемухи. Справа от дома рядом с покосившимся сараем притулился вольер, в котором днем отсыпались два огромных злых кобеля. На ночь хозяева привязывали одного у калитки, другого – под козырьком крыльца. А когда к хозяевам приходили странного вида гости, на балкончике второго этажа неизменно появлялся мужчина. Закурив папироску, он внимательно смотрел вокруг и прислушивался к каждому звуку.

– Хоть грант и обернулся мокрым², а Казимир-то все одно красавец, – кромсая лоснящееся сало, ухмыльнулся в бороду дед Гордей. – Пряма настоящий енерал!..

– А ты как мыслишь! – не без гордости заметил Сашок, расставляя на белой скатерке граненые стаканы. – Чем мы хуже ихних красных полководцев?

– Та ничем, – отмахнулся дед. – Мы академиев не кончали, а погляди вон, какие операции мутим.

– Вот и я говорю. А уж Казимир-то! Его в какую форму ни одень – фельдмаршал!..

По возрасту хозяин дома Гордей Пантелеев до деда недоотягивал – всего-то девятисотого года рождения. Но тут проявлялась его внешность и характер: невысокий рост, усугубленный сутулостью, несуетливая обстоятельность; морщинистое смуглое лицо, обрамленное косматой седой бородой. Из одежды Гордей предпочитал телогрейку без рукавов, надетую поверх простой ситцевой рубахи. А засаленные полосатые штаны были вечно заправлены в обрезанные валенки, которые он не снимал даже летом.

В сороковом году во время вооруженного налета на один из подмосковных продуктовых складов банда нарвалась на

² Мокрый грант/д – грабеж с кровопролитием.

засаду. Случилась серьезная перестрелка, и Гордей получил пулю в спину. Он оклемался, но с тех пор испытывал жуткие боли в позвоночнике, еле передвигался и на дело, чтобы не быть обузой, уже не ходил. Казимир поселил его в двухэтажном доме, наказав присматривать за «хатой». Так и превратился Гордей в «деда».

Сашок, наоборот, выглядел моложе своих тридцати восьми: вертлявый, гладкокожий, золотой зуб-фикса, высокий юношеский фальцет и копна непослушных светлых волос из-под кепки-малокозырки. Всякий новый знакомец давал ему лет двадцать пять и сильно удивлялся, узнав настоящий возраст парня. В банде Сашок обосновался в сентябре тридцать девятого – аккуратно одновременно с началом Второй мировой, однако по сей день не имел серьезного авторитета и выполнял обязанности уголовного солдата-огольца: «нюхал» обстановку в городе, шнырял по рынкам, помогал деду Гордею, стоял на шухере, снабжал хату газом³, бегал за «гарью» – водкой и самогоном.

Все из-за той же пресловутой моложавости в последнем деле Сашок получил роль водителя. Помимо этого, Казимир наказал ему прикрывать корешей при отходе с грузового перрона. Что тот исправно и сделал.

³ Газ – керосин.

Оконные рамы поздно вечером Казимир открывать запрещал, а распахнутые форточки с густым табачным дымом не справлялись. В середине большой залы стоял длинный стол, застеленный свежей белой скатертью. Стол ломился от бутылочек и разнокалиберных тарелок. Из алкоголя преобладал самогон, и лишь кое-где виднелись водочные и пивные этикетки. Вина не было вовсе. Среди закусок – селедка, маринованные грибы, сало и свежие помидоры с зеленью. В центре стола аппетитно возвышалась гора вареного мяса, а рядом в двух мисках парила картошка из прошлогоднего урожая.

Во главе стола сидел Казимир, рядом – ближайшие кореша, далее – все остальные члены банды. На противоположном торце свое законное место занимал Илюха-татарчонок, прибившийся к банде еще в год ее основания. Илюха слыл надежным, имел авторитет, но основной заслугой коренастого смуглого паренька считалась виртуозная игра на гитаре и сильный приятный баритон. Для музыканта и держали законное местечко на другом торце стола.

Перебирая струны, Илюха выводил:

Я помню день, когда тебя я встретил,
Ты, прислонясь, стояла на мосту.
В твоих глазах метался пьяный ветер,

И папиросочка дымилась во рту...

Несмотря на то что репертуар Илюхи пополнялся крайне медленно и был хорошо знаком всем присутствующим, они с удовольствием слушали песню про Марьянку.

Трое бандитов молча пили мутный самогон. А Казимир и его приближенные обсуждали успешный налет на трофейный поезд.

– ...хрен на блюде, а не люди! Мы, конечно, ухватили крупного господина Блинова⁴, но в какой-то момент я подумал: все, балабас⁵ пришел, – сплюнул в кулак селедочные кости Матвей. – Горох в вольне⁶ закончился; я гайку из апельсина вывинтил⁷, лежу, перрон нюхаю.

– Вот холера... чего ж ты ждал? – лениво поинтересовался Казимир.

– А глядел, чья возьмет. Если б легавые одолели – подорвал бы себя без слез и сожалений.

– Да чего уж там? И я дрейфанул, когда Миху подстрелили, – признался сидевший рядом Боцман. – Палю по мусорам, а сам думаю: все – амба.

– Крокодил⁸ мы на шарапа взяли⁹. И подфартило нам. А

⁴ Господин Блинов – туз.

⁵ Балабас – облом, неудача.

⁶ Горох в вольне – патроны в нагане.

⁷ Вывинтить гайку из апельсина – выдернуть чеку из гранаты.

⁸ Крокодил – поезд.

в целом нормально работали: соорудили звонок в комендатуру, подъехали, посветили погонями, прихватили из вагона ящик, – заключил Казимир. Вздыхнув, покосился на свободные места за столом: – Правда, двоих на перроне оставили. Ну да без потерь в нашем деле не обходится. Давайте помянем корешков: Михеля и Петро...

* * *

Илюха успел опрокинуть пару стопок самогона и теперь пел ровным и приятным голосом:

Ты подошла ко мне танцующей походкою,
И тихо-тихо сказала мне: «Пойдем...»
А через ча-ас споила меня водкою
И завладела моим сердцем и рублем...

Рядом звенели стаканы, кто-то заходил в кашле, а пьяный Сашок хлюпал носом и тайком промокал рукавом слезу.

К десяти вечера более-менее трезвыми оставались четверо: Казимир, Матвей, Боцман, а также дед Гордей, дымящий сигарками на балкончике второго этажа. Пил он по состоянию здоровья мало, поэтому во время разгульных кутежей брал на себя обязанности дозорного.

Вообще дисциплина в банде была не хуже, чем в боевом

⁹ Взять на шарапа – взять приступом, проявить смелость, отвагу.

гвардейском подразделении Красной Армии. Налаживал ее сам главарь, и на это у него имелись веские причины.

Внешность Казимир Квилецкий имел весьма приятную и запоминающуюся. Высокий, статный, подтянутый, без лишнего веса. Серые глаза, волнистые темные волосы, прямой нос, выразительные губы, волевой подбородок. Ловя на себе взгляды прохожих, Казимир понимал, что лицо, армейская выправка и манеры потомственного дворянина неизменно привлекают к нему внимание посторонних. Поэтому, перед тем как покинуть Марьину Рощу, он всегда старался придать своему обличью заурядность: намеренно не сбривал щетину, приклеивал усы, надевал мятую кепку, сутулился и использовал самую простую одежду.

С началом войны проживать в Москве стало опасно. Уже сточился паспортный режим, количество патрулей на улицах Первопрестольной увеличилось в разы. Повстречав на улице Квилецкого, любой милицейский наряд задавался вполне логичным вопросом: какого черта взрослый здоровый мужик призывного возраста делает в тылу? Пришлось Казимиру в срочном порядке разжиться «белым билетом», в который рукастый делатель ремарок¹⁰ вписал несколько серьезных медицинских диагнозов, включая сложнейший перелом левой ноги. Теперь при встрече с патрульными Квилецкому приходилось искусно изображать хромоту и подтверждать ее надежным документом. После его изучения вопросы и подо-

¹⁰ Делатель ремарок – фальшивомонетчик.

зрения у военных отпадали, и «инвалида» отпускали с миром...

Родился Казимир Квилецкий в 1896 году в Кракове в семье потомственного дворянина, графа, офицера царской армии. Окончив гимназию, юноша по совету отца самостоятельно отправился в Москву, где поступил в Алексеевское пехотное училище. Выпустившись прапорщиком, он сразу угодил на Юго-Западный фронт, где полыхал пожар Первой мировой. Командуя сначала взводом и ротой, а затем батальоном, Квилецкий быстро дослужился до ротмистра, получил три «Георгия» за храбрость и ранение, от которого на шее навсегда остался длинный кривой шрам.

Революцию он не принял, до 1919 года отчаянно дрался с большевиками в составе Дроздовской дивизии под началом белого генерала Владимира Константиновича Витковского. После разгрома армии Врангеля Витковский предлагал молодому Квилецкому вместе эмигрировать в США, но тот отказался. В ставшую независимой Польшу его тоже не тянуло – эта страна ему никогда не нравилась, а воспоминания о Кракове навевали тоску. Посему Казимир решил рискнуть и отправился искать счастья в Москву под чужим именем.

В столице молодой советской республики он некоторое время скитался по не успевшим уехать за границу родственникам и друзьям юнкерской юности. Было сложно, подчас опасно, но он не сдавался. В конце девятнадцатого года осел у давней знакомой – молодой одинокой женщины. В начале

1921 года у пары родился сын. Гражданской специальности Квилецкий не имел, учиться и работать не хотел, потому в скором времени прибил к банде, состоящей в основном из «птенцов Керенского» – уголовников, амнистированных в 1917 году Временным правительством.

Руководил бандой некто Жорж Кабанов – жестокий и беспринципный тип, уважавший, однако, Квилецкого за отчаянную храбрость, а также за способность детально просчитать и разработать вооруженный налет любой степени сложности. Жорж соорудил новичку надежную ксиву, в которой имя осталось настоящее – Казимир, а фамилия перекочевала из старого документа, когда-то принадлежащего железнодорожному инженеру Марку Железнову.

После одной удачной и шумной вылазки Кабанов поинтересовался: «Где ты научился так руководить боем?» На что Казимир сдержанно ответил: «Да бог с тобой, Георгий... разве это бой? Я на Дону с остатками полуроты батальон красных положил...»

Квилецкий очень быстро стал вторым человеком в банде, или, выражаясь военным языком, «начальником штаба». Именно он предложил Кабанову обзавестись собственной разведкой и контрразведкой, а также поделить банду на самостоятельные боевые группы и тем самым значительно повысить уровень дисциплины. Кабанов последовал советам бывалого вояки, и в обновленном виде военизированная группировка практически перестала нести потери, а коли-

чество осечек благодаря всестороннему анализу при выборе объектов и грамотному планированию налетов свелось к нулю.

После случайной гибели Жоржа Кабанова под колесами грузовика вопрос о новом вожаке в банде не стоял — кандидатуру Квилецкого поддержало абсолютное большинство подельников. С тех пор его авторитет только возрос, а дисциплина стала по-настоящему железной, соответствующей его новой фамилии.

Отдохнуть и расслабиться позволялось лишь после удачного завершения дела. Во всякое другое время за мелкие прегрешения рядовых членов банды лишали доли при дележе награбленного. За проступки средней тяжести следовали либо физические наказания, либо изгнание из сообщества. За тяжкие нарушения, что случались крайне редко, виновника приговаривали к смерти, вывозили в Богородский лес, расстреливали и там же закапывали.

Именно благодаря железной дисциплине банда Казимира сумела выжить не только в жесточайшей конкуренции с другими гоп-артелями, но и регулярно ускользала из поля зрения столичных сыщиков. Даже в ноябре 1944 года, когда советская власть впервые провела карательную операцию, соединив в один мощный кулак сотрудников госбезопасности, московских милиционеров и армейские подразделения, чтобы одним ударом уничтожить обнаглевший криминал, военизированный отряд Квилецкого практически не пострадал.

Довелось ему посидеть и на нарах, ожидая смертного приговора.

В декабре 1933 года во время дерзкого налета на сберкассах привычный фарт спугнула случайность: на помощь малочисленной охране внезапно пришел проезжавший мимо милицейский патруль. Завязалась перестрелка, во время которой Казимир получил пулю. Один кореш погиб, остальным главарь приказал уходить. Сам же остался и до последнего прикрывал отход товарищей.

Очнулся в тюремном лазарете – весь в бинтах и едва живой. Это его сильно удивило: с пойманными бандитами в военное время не церемонились – просто ставили к стенке. А тут чистота, уход, медсестры и трехразовое питание.

Начал осторожно расспрашивать персонал, кумекать, как быть дальше. По всему выходило, что вола вертеть¹¹ бесполезно. Академия¹² не светила, только вышка. Стало ясно: лечат и готовят к показательному процессу со смертным приговором. В назидание другим.

Ранение было опасным, но врачи постарались – Казимир начал поправляться. В один из погожих деньков на соседнюю койку поместили совсем плохого от болезни городушника¹³. Улучив момент тот шепнул: «Твои на воле землю роют. На-

¹¹ Вертеть вола – лгать, выкручиваться при дознании.

¹² Академия – заключение, тюрьма.

¹³ Городушник – магазинный вор.

шли благоватого¹⁴».

Появилась надежда. Квилецкий слегка повеселел.

Через некоторое время в палату вошли двое: один в коже и с властью на боку¹⁵, другой – с занятой барышней¹⁶ под мышкой. Началась нудная исповедь: кто такой? Что да как? Сколько за хребтом грабежей? С кем из блатных водил дружбу?..

Казимир отвечал вяло или вовсе не отвечал. А когда «комиссар» отвлекся, второй сунул под матрац заточку и пару отмычек.

Выбрав удобный момент в канун Нового года, Квилецкий сунул блохачу¹⁷ под ребро заточку и удачно бежал из тюремного лазарета.

В тридцатых годах Квилецкий, или как значилось в его документах – Казимир Железнов, стал в банде полноправным паханом. Примерно в это же время в уголовном мире начало формироваться понятие «вор в законе». Будущие «воры» станут среди криминала белоручками, белой костью. Их будет отличать личное неучастие в преступлениях, житие на средства общака, ведение переговоров, надзор за воровскими законами. А пока что территорию огромной страны делили меж собой паханы – уголовные авторитеты с самосто-

¹⁴ Благоватый – берущий взятки тюремный служащий.

¹⁵ Власть на боку – револьвер в кобуре.

¹⁶ Занятая барышня – пишущая машинка.

¹⁷ Блохач – часовой, ночной караульщик.

тельным статусом в воровском мире. Они не чурались любой работы и были гораздо ближе к рядовым членам банд. Вместе с ними они ходили на дело, вместе «нюхали воздух», всегда сообща и в равных долях делили добычу.

* * *

Ведь до тебя я не был уркаганом,
Но уркаганом ты сделала меня,
Ты познакомила с малиной и наганом,
Идти на мокрое не дрогнула рука...

Это было третье или четвертое исполнение песни о красивой и продажной Марьянке. Один из слушателей засыпал, покачивая знатным чубом. Другой пытался затушить папироску, но никак не мог попасть в приспособленную под пепельницу консервную банку. Лишь Сашок продолжал внимать печальной истории, позабыв про текущие по щекам слезы.

Попойка завершалась: двое допивали из четверти самогон, двое разбрелись по дому в поисках лежанки. С верхнего этажа изредка спускался дед Гордей, коротким кивком докладывал Казимиру, что снаружи все спокойно, наливал себе стакан чаю, шумно отхлебывал, потом вытряхивал из пачки очередную папиросу и, кряхтя, возвращался на свой пост.

И только трое из присутствующих продолжали трезвую обстоятельную беседу.

– А что с рыжовьем¹⁸ будем делать? – Матвей задал вопрос, касавшийся самой насущной проблемы.

– Надо избавляться. На герище¹⁹, что ли, ныкать? – поддержал Боцман. И, сдув пепел с папиросы, предложил: – Мож, раздуванить²⁰ его, а? И дело с концом. Дале пушай каждый сам пристраивает...

Матвей с Боцманом осели в банде с первых месяцев ее существования. Оба были в авторитете и числились первыми помощниками Квилецкого. Матвей подался в столицу из подмосковного села Подъячево, именовавшегося в ту пору Обольяновом. Поднял по пьяной лавочке на вилы не в меру ретивого председателя колхоза, трижды перекрестился, сплюнул на бездыханное тело и ушел густыми лесами в южном направлении.

Боцман не имел ни родственников, ни угла; в 1914-м призвался на службу в царский флот, где дорос до боцманмата. В беспокойном 1917 году дезертировал, добрался до Москвы и, случайно познакомившись с Кабановым, нашел свое место в его банде.

– Скопом это в ломбард не снесешь, – кивнул Квилецкий в сторону чулана, где покоился ящик с золотишком. – А если

¹⁸ Рыжовье (рыжа, рыжье) – золото.

¹⁹ Герище – чердак.

²⁰ Раздуванить – разделить награбленное.

разложить на кучки, то определенно стуканут. Кто-нибудь из барыг окажется звонарем и пошлет весточку в МУР.

– Да, Урусов – пахан, а Старцев – не Ермолай. Вон как блат поломали за последнее время! – согласился Матвей. – Чего ж ты предлагаешь?

– Гомузом²¹ придется сбывать.

– Где ж мы такого икряного²² барыгу сыщем? – подивился Боцман. – В ящике рыжовья на пуд с четвертью!

²¹ Гомузом – продажа краденного оптом.

²² Икряный (мохнатый) – богатый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.